

Васильев Дмитрий Валентинович

КАСИМОВСКОЕ ХАНСТВО И ПЕРВЫЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

В статье рассматривается история установления дипломатических отношений России с казахскими ханами. В этом контексте главное внимание уделяется Касимовскому ханству как особой административно-политической единице Российского государства и той роли, которую играли правители ханства во внешней политике России. Отмечена роль касимовских ханов как противовеса тюркским династиям и инструмента по управлению нерусскими народами Мещеры. Показано, каким образом российское правительство использовало тюркские традиции в своих геополитических интересах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/7-2/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. II. С. 35-38. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается история установления дипломатических отношений России с казахскими ханами. В этом контексте главное внимание уделяется Касимовскому ханству как особой административно-политической единице Российского государства и той роли, которую играли правители ханства во внешней политике России. Отмечена роль касимовских ханов как противовеса тюркским династиям и инструмента по управлению нерусскими народами Мещеры. Показано, каким образом российское правительство использовало тюркские традиции в своих геополитических интересах.

Ключевые слова и фразы: Касимовское ханство; история Казахстана; внешняя политика России; Смутное время; Центральная Азия.

Васильев Дмитрий Валентинович, к.и.н., доцент

Институт государственного управления, права и инновационных технологий

dvvasiliev@mail.ru

**КАСИМОВСКОЕ ХАНСТВО И ПЕРВЫЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ
КОНТАКТЫ РОССИИ И КАЗАХСТАНА[©]**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Политика Российской империи в Центральной Азии. Первая половина XIX века», проект № 11-01-00511.

Начало официальных отношений России с центральноазиатскими государствами относится еще к полулегендарным эпизодам истории Киевской Руси. В 986 г., когда Русь осуществляла свой конфессиональный выбор, Киев обратился к Хорезму с целью получения информации об исламе. В период утверждения монголо-татарского господства, в XIII-XIV вв., связи Руси с Центральной Азией лишь укреплялись. Здесь бывали русские князья и их послы. А князь Борис Суздальский участвовал в самаркандском походе против Тимура в 1289 г. Укрепление Московского государства в XV-XVI вв. повлекло за собой и упрочение торгово-дипломатических связей с соседями. В 80-е гг. XV в. установились дипломатические отношения с ногаями и казахскими ханами [7, с. 56-57]. В 1499 г. состоялся зимний поход экспедиции под руководством Симеона Курбского и Петра Ушатого до Оби и Иртыша [3, с. 7].

Ко времени правления великого князя московского Василия III (1505-1533) относится начало дипломатических сношений между казахскими ханами и Русским государством [9, с. 11]. В XVI в. в Хиву, Бухару и Ногайскую орду направлялись русские люди с торгово-разведывательными целями. В 1557-1558 гг. в Москве с целью заключения договоров о постоянной торговле побывали послы хивинского и самаркандского владетелей. Сам Иван IV использовал любые доступные возможности для укрепления связей с восточными и юго-восточными соседями. В 1566-1567 гг. экспедицию за Урал организовал служилый человек Данило Губин. Направлявшийся в регион по инициативе Лондонской Московской компании Антоний Дженкинсон получил и исполнил дипломатические поручения царя Ивана. В 1569 г. в Ногайской орде побывал Семен Мальцев, а в 1577 г. – Борис Доможиров, что свидетельствует об интересе к России со стороны казахского Хакназар-хана [4, с. 223-224].

Однако о постоянных официальных отношениях можно говорить с самого конца XVI в., когда в Москву прибыл посол казахского хана Тауекеля (Тевеккеля) Кул-Мухаммед для переговоров с царем Федором Иоанновичем. Примечательно, что государя на этих переговорах представлял касимовский царевич Ураз-Мухаммед, племянник Тауекель-хана.

Русские летописи сообщают, что Ураз-Мухаммед попал в Россию в 1588 г. в составе свиты захваченного в Тобольске сибирского князя Сейдяка. Воевода Данила Чулков пригласил гостей в новый город. Во время обеда в Тобольске они были схвачены и в сентябре того же года вывезены в Москву. Крупный востоковед В. В. Вельяминов-Зернов обращал внимание на то обстоятельство, что среди летописцев не было единого мнения о добровольности перехода Ураз-Мухаммеда на российскую службу. С одной стороны – свидетельства об обманном захвате чингизида, с другой – рассказы о его прельщении милостями русского государя к поступающим на государеву службу «царям и царевичам» Казахского ханства. Через два года он уже состоял в царевом войске во время похода против шведов вместе с другими татарскими и сибирскими царевичами. В 1598 г. вместе с войском нового царя Бориса Годунова Ураз-Мухаммед принял участие в походе против крымского хана. И уже через два года государь пожаловал ему город Касимов «с волостями и со всеми доходами» вместе с титулом касимовского царя [2, с. 97-107]. Можно сколь угодно долго искать в архивах обоснования этой милости в ратных подвигах или государственных трудах Ураз-Мухаммеда, но не стоит забывать о том, что имея при своем дворе потомка Чингиз-хана и реального претендента на казанский, казахский, крымский и сибирский престолы, Борис Годунов сохранял в своих руках мощный дипломатический рычаг для взаимодействия с окружающим мусульманским миром. Недаром именно Ураз-Мухаммеду в 1594-1595 гг. было поручено вести переговоры с казахским посольством.

Итак, в январе 1594 г. в Москву прибыли послы от хана Тауекеля с просьбой о покровительстве [5, с. 3-5]. Несмотря на то, что одной из главных целей этого посольства некоторые исследователи считают освобождение царевича [6, с. 14], представляется, что даже не установление дипломатических отношений само по себе, а предложение своего рода военного союза против Бухары было важнейшей задачей казахских посланников. Просьба предоставить казахам огнестрельное оружие, безусловно, была вызвана стремлением Тауекеля подчинить своему влиянию Мавераннахр. Москва восприняла переговоры с Кул-Мухаммедом в контексте готовности казахов подчиниться верховной власти русского государя, поэтому мысль об их подданстве российскому престолу была вполне однозначно и четко сформулирована в документах, связанных с отправкой ответного посольства в Казахское ханство. От новых подданных Москва ждала полного и неотступного повиновения и борьбы с бухарским и особенно сибирским ханами. Присылка аманатов из числа ханских детей и братьев в обмен на Ураз-Мухаммеда должна была стать гарантией верности новых подданных России. Из документов видно, что московское правительство не собиралось удовлетворять просьбу казахов о снабжении их огнестрельным оружием [5, с. 6-11]. Да и освобождения Ураз-Мухаммеда не произошло даже после прибытия в Россию в качестве аманата ханского сына Мурата. Удачно устроивший свою карьеру при русском дворе племянник хана Тауекеля был прекрасно осведомлен в вопросах военной организации, внутренней и внешней политики московского государства. Естественно, что столь ценный источник верной информации фактически не имел возможности вернуться на родину. Оставалось продолжить служить русскому престолу.

В XV веке в Восточной Европе и к востоку от Урала шел процесс крупных государственно-политических трансформаций. Безусловно, доминировавшая в регионе Золотая Орда постепенно теряла свое могущество, уступая место новым политическим образованиям – Крымскому, Казанскому, Астраханскому и Сибирскому ханствам, Ногайской орде. При этом среди русских княжеств, бывших вассалов джучидов, неуклонно набирала силу Москва. Преемники Улуса Бату, за исключением, пожалуй, Сибири, со временем выдвигают претензии на ордынское наследство. Тем временем реальным политическим наследником Золотой Орды суждено было стать именно Москве, гибкая политика правителей которой к середине следующего столетия вывела Московскую Русь в политические лидеры региона.

Особую роль в противостоянии Москвы с осколками Золотой Орды суждено было сыграть Касимовскому ханству. Возникшее в результате феодальной войны на Северо-Востоке Руси и ставшее одним из итогов устного соглашения между казанским ханом Улуг-Мухаммадом и великим князем московским Василием II [8, с. 56-57], новое ханство получило социально-политическую структуру, фактически дублирующую казанскую и крымскую. Касимовский правитель – царь (хан) или царевич (султан) – до 1530-х гг. был абсолютно независим во внутренней жизни ханства. Вопросы же внешней политики при этом являлись предметом исключительной компетенции Москвы. Получая выход¹ от Москвы и Рязани, глава этого специфического государственно-образованного фактически являлся вассалом московского князя [Там же, с. 93].

Нельзя не согласиться с Б. Рахимзяновым в том, что столь долгое существование Касимовского ханства обусловлено было не только реальной зависимостью Москвы от Казани, которая стала последовательно сокращаться по мере превращения Московского княжества в Российское государство по окончании феодальной войны, но и другими обстоятельствами, сохранявшими актуальность вплоть до конца XVII века²: это использование касимовского престола как династического противовеса, своего рода резерва претендентов на казанское и крымское правление; геостратегическое положение Касимова между Москвой и Казанью (верные московскому государю местные цари и царевичи активно защищали своего сюзерена от сородичей) и использование касимовского хана для управления другими нерусскими народами Мещеры [Там же, с. 61-62]. Следует добавить, что наличие в составе Московского государства административно-территориальной единицы с особым статусом фактически зеркально отражало прежнее положение Руси в составе Золотой Орды. Это обстоятельство вместе с тем фактом, что Москва держала под своим крылом «улус» Джучида³ и поглотила два чингизидских государства⁴, подтвердило право Ивана IV официально принять царский титул, которым прежде именовались лишь правящие прямые наследники основателя золотоордынского государства, а самому Московскому царству открыло дорогу к установлению гегемонии надо всей территорией бывшей Золотой Орды.

Даже когда с падением Казани исчезла необходимость сохранять особый статус Касимовского ханства, оно хоть юридически и превратилось в регулярную часть Российского государства, но продолжало использоваться в интересах московского правительства и в политических отношениях с Крымом и Турцией приняло на себя функции полностью административно-ассимилированных мусульманских владений России. В XVII веке одним из важных предназначений Касимовского ханства была поставка гонцов и путевых приставов в мусульманские страны, толмачей и переводчиков для московского двора. Недаром касимовские татары состояли под управлением Посольского приказа [1, с. 36, 37].

Изменение векторов внешней политики Российского государства – продвижение в Сибирь и Центральную Азию – изменило и династическую принадлежность касимовских ханов. Место претендентов на казанский и крымский престолы заняли представители сибирской и казахской династий. Б. Рахимзянов отмечает: «Фактически русскому руководству было нужно не Касимовское ханство, а звание касимовского хана (султана), чтобы выдвигать его на... престол» [8, с. 156].

¹ Выход – регулярный платеж, вносившийся русскими князьями ордынским ханам и сохраненный в отношении Касимовского ханства (царства).

² Формально «Касимовское царство» было ликвидировано в 1681 г.

³ Правителем в Касимове всегда был представитель Джучидов, априори имевший более высокий статус, чем любой русский князь.

⁴ Казанское и Астраханское ханства.

Именно в этом контексте кандидатура Ураз-Мухаммеда как потенциального претендента на казахский престол и представляла интерес для московского правительства. Итак, касимовским царевичем Ураз-Мухаммед был провозглашен и приведен к присяге 20 марта 1600 г. [10, с. 37-38]. Несмотря на то, что роль касимовского правителя на рубеже XVI-XVII вв. была сведена фактически до роли государева воеводы, он продолжал сохранять, хоть и почти иллюзорную, политическую значимость. Известно описание возведения Ураз-Мухаммеда на престол: «...вельможи и знать заняли места свои по правую и левую руку государя; вместе с тем по улицам стали войска в стройном порядке. В этот день, по указу царскому представлялся и Ураз-Мухаммед, сын Ондан-султана. Государь, сидя на золотом престоле и имея рядом с собою сына своего царевича, обратился к Ураз-Мухаммед-хану с приветствием» [2, с. 400-401].

Вернемся к событиям 1594 г. В упомянутой выше беседе будущего касимовского правителя с послом Кул-Мухаммедом Ураз-Мухаммед выступил в роли ответственного дипломата, которому было поручено вести переговоры о перспективах отношений Казахского ханства с Российским государством. Москву интересовал целый комплекс вопросов, касавшихся внутреннего положения в Центральной Азии: отношения внутри казахской элиты, регион кочевания и взаимоотношения с бухарским эмиром, реальная готовность казахов вступить в российское подданство. На это Кул-Мухаммед сообщил, что казахскому хану Тауекелю удалось «посадить на калмыках» своего брата Шах-Мухаммеда и объединить под своей властью казахские и калмыцкие улусы, что с бухарским эмиром они пока в мире, но готовы, если русский царь поможет с пушками, начать войну с Бухарой [5, с. 3]. Примечательно, что Ураз-Мухаммед бил Федору Ивановичу челом разрешить вместе с казахским послом посетить собственное поместье на р. Оке для встречи с его матерью и сестрами, на что было дано добро [Там же, с. 4-5]. В этом шаге четко просматривается два из предназначений мусульманских и, в первую очередь, касимовских, царей и царевичей при российском престоле, особенно актуальных после падения Казани, – служить наглядной демонстрацией толерантности московского правительства к своим лояльным подданным мусульманам и позиционирование касимовцев как своего рода связующего моста с иноверными соседями и ретранслятора имперской политики на восток.

Чуть более года спустя было принято решение направить в Казахскую степь ответное посольство сроком на два года с 1595 по 1596 гг. [Там же, с. 5-6]. Всё это время Кул-Мухаммед оставался в российской столице. Московский посол Вельямин Степанов должен был передать Тауекелю царскую грамоту, в которой Федор Иоаннович выражал готовность принять под свое покровительство состоявшие под его началом Казахское и Калмыцкое ханства. Грамота четко указывает на главную причину такой благосклонности московского правительства. Перед казахским ханом ставилась задача начать войну с противниками России, Бухарой и Сибирским ханством, захватить и доставить к царскому престолу хана Кучума [Там же, с. 9]. Кроме того, в инструкции, данной послу Степанову, приказывалось на месте выяснить реальное положение внутри Казахской степи: сколько с ханом и каждым из султанов кочует казахов, реально ли калмыки находятся в дружбе и под покровительством Тауекеля, сколько воинов могут они при необходимости собрать, с кем из мусульманских правителей и в каких отношениях состоят. Наконец, на обратном пути послу предстояло разведать путь к ногайцам и в Сибирь [Там же, с. 8]. Таким образом, рассмотренные выше документы весьма четко выявляют нам не столько перспективные направления внешней политики Российского государства, сколько пределы имперских амбиций Москвы – центральноазиатский регион и Сибирь.

Посольство Вельямина Степанова продолжалось недолго и фактически оказалось безрезультатным. Пробыв в ханской ставке чуть больше месяца, оно вернулось в пределы Российского государства в конце сентября [Там же, с. 13]. На этом дипломатические отношения Москвы с Казахской степью, прерванные смутой, были приостановлены на долгое время. При этом в определенной степени продолжали развиваться торговые контакты российских земель со степью, периодически отягощавшиеся ставшими со временем обыкновенными разграблениями торговых караванов и взаимным задержанием торговых людей и официальных представителей друг друга.

Созданное московскими князьями в середине XV в. Касимовское ханство за свою всего лишь двухсотлетнюю историю сыграло важную роль не только в укреплении молодой российской государственности, но стало субъектом российской дипломатии и кузницей дипломатических кадров своего времени. Правителю ханства Ураз-Мухаммеду довелось сыграть роль посредника в российско-казахских переговорах, знаменовавших пробуждение активного интереса двух средневековых государств друг к другу. Можно с уверенностью утверждать, что политический конструкт, которым являлось Касимовское ханство, заложил начало дипломатических отношений России и Казахской степи, завершившихся принятием казахскими ханами российского подданства в XVIII столетии.

Список литературы

1. **Беляков А. В.** Касимовские татары – станичники, толмачи и переводчики Посольского приказа XVII в. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению: сб. науч. работ: в 2-х т. / отв. ред., сост. и авт. предисл. Б. В. Горбунов. Рязань: Узорочье, 2001. Т. 2. С. 36-42.
2. **Вельяминов-Зернов В. В.** Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорск. акад. наук, 1864. Ч. II. 498 с.
3. **Иванин М. И.** Описание Зимнего похода в Хиву в 1839-1840 году. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1874. 199 с.
4. **История Казахской ССР** / ред. коллегия: М. О. Ауэзов и др. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук Каз. ССР, 1957. Т. I. 609 с.
5. **Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках**: сборник документов и материалов. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1961. 741 с.
6. **Мухаммадеева И. А.** Султан Ураз-Мухаммед: жизнь и деятельность (1572-1610 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н. Караганда, 2009. 24 с.

7. **Постников А. В.** Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII-XIX вв.): роль историко-географических исследований и картографирования: монография в документах / под общ. ред. и с предисл. академика В. С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2007. 462 с.
8. **Рахимзянов Б. Р.** Касимовское ханство (1445-1552 гг.): очерки истории. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 206 с.
9. **Темиргалиев Р. Д.** Казахи и Россия. М.: Междунар. отношения, 2013. 325 с.
10. **Шишкин Н. И.** История города Касимова с древнейших времен. Рязань: Узорочье, 2002. 216 с.

QASIM KHANATE AND THE FIRST DIPLOMATIC CONTACTS OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN

Vasil'ev Dmitrii Valentinovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Institute of Public Administration, Law and Innovative Technologies
dvvasiliev@mail.ru

The article examines the history of establishing the diplomatic contacts of Russia with Kazakh khans. In this context special attention is paid to Qasim Khanate as a special administrative and political unit of Russian state and to the role, which the rulers of the khanate played in the foreign policy of Russia. The author mentions the role of Qasim khans as a counterweight to Turkic dynasties and an instrument to administer the non-Russian people of Meshchera. The paper shows how the Russian government used Turkic traditions for its own geopolitical purposes.

Key words and phrases: Qasim Khanate; history of Kazakhstan; foreign policy of Russia; Time of Troubles; Central Asia.

УДК 32.001

Политология

В статье дается сравнительный анализ утверждений Ф. Фукуямы об американской модели демократии как конечной ступени развития человечества из его известной статьи «Конец истории?», а также его оценки американской политической системы из последней статьи в журнале “Foreign Affairs”. Делается вывод об идеологически мотивированном подходе Ф. Фукуямы к объекту своего исследования в момент падения Берлинской стены и объективно – сейчас.

Ключевые слова и фразы: американская модель демократии; эффективность политической системы США; лоббизм в США; коррупция в США; американское законодательство о коррупции; финансовый кризис 2008 года.

Вербин Анатолий Александрович, доцент
Санкт-Петербургский университет технологии и дизайна
anatomy_verbin@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНКИ Ф. ФУКУЯМЫ АМЕРИКАНСКОЙ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ[©]

В 1989 году американский политолог Ф. Фукуяма опубликовал статью «Конец истории?». Тот год был свидетелем падения Берлинской стены, ликвидации «реального социализма» в ГДР, начала развала социалистической системы в Европе, исчезновения СССР, а также, как говорили тогда, окончания холодной войны, т.е. череды событий, которые свидетельствовали об очевидном переходе мира в некое новое состояние. В этой статье автор охарактеризовал западную социально-политическую, т.е. победившую систему, как «конечную точку идеологической эволюции человека» и «окончательную форму государственного правления», которую выработало человечество. Кроме того, Ф. Фукуяма также объявил о «полном исчерпании всех жизнеспособных альтернатив западному либерализму», под которым он понимал прежде всего американский вариант социально-политической системы [5, р. 3].

Для автора этих заявлений западные страны представляли собой не только апогей социальной эволюции человеческого общества на современном этапе, но даже и как конечную точку, после которой уже невозможно никакое социально-политическое развитие. Для любого беспристрастного образованного человека неадекватность, если не сказать абсурдность, таких заявлений была очевидна. Но такая оценка политической системы США точно соответствовала эйфории в Америке в связи с победой в холодной войне, и этот факт сделал Ф. Фукуяму всемирно известным автором, а идеи, высказанные в ней, истинами, не требовавшими доказательств. Потом из статьи выросла книга Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек», а сам он получил титул «придворного философа глобального капитализма».

Через двадцать лет, в период самого жестокого финансового кризиса, в который вступил глобальный капитализм и который не смог предвидеть ни один политический философ, Ф. Фукуяма опубликовал пространную статью «Крушение Америки» [6]. В этой новой статье Ф. Фукуяма представил критику политики администрации президента Буша-младшего, которая, по его мнению, привела страну не только к грандиозному финансовому кризису, но и потускнению имиджа США и социально-политической модели общества, которую они представляют на международной арене. «Идеи, – писал Ф. Фукуяма, – это самый главный наш экспорт». Первая из них – это «наше представление о том, каким должен быть капитализм, т.е. низкие налоги, слабое государственное регулирование (экономики – А. В.) и маленькое правительство». А вторая идея состоит